

Прошло немало времени, прежде чем кто-то наконец осмелился подать голос:

— Ваше Величество, эта земляная стела... ее верхняя и нижняя части немного отличаются по цвету.

Освальд прикрыл глаза, затем медленно открыл их. Его тяжелое дыхание быстро успокоилось, словно он силой загнал гнев глубоко внутрь. Он подошел к квадратной стеле, опустился на корточки и провел рукой по ее поверхности.

Как и сказал тот воин Железной кавалерии Уцзинь, между верхней и нижней половинами стелы пролежала отчетливая граница — они различались по цвету и степени коррозии. Только тогда Освальд вспомнил, что стоявшая перед ним стела действительно отличалась от той, что он видел раньше. Казалось, с нее счистили толстый слой земли.

Кроме исчезнувшего только что Кевина, это некому было сделать.

Он бы не стал от нечего делать раскапывать эту стелу, если только на ней не было сведений о входе — как раз на той нижней половине, что скрывалась под слоем земли...

— Фонарь, — бросил Освальд, протягивая руку назад и даже не оборачиваясь.

Один из офицеров на мгновение растерялся, а затем поспешно передал Императору прихваченный с собой инсектоидный фонарь.

Освальд поднес инсектоидный фонарь почти вплотную к каменной плите и тщательно осмотрел ее со всех сторон. Недавно откопанная половина покрылась глубокой коррозией, сквозь которую едва угадывались очертания знаков. Не обращая внимания на слой налипшей влажной грязи, он решительно провел по ней ладонью.

Он долго ощупывал поверхность кончиками пальцев, пока наконец не разобрал обрывочную фразу: «Если только... не откроет путь... иначе врата гробницы навеки...»

Освальд нахмурился, и лицо его потемнело еще сильнее: надо же было такому случиться, что ключевые слова почти полностью стерлись от ржавчины!

То, что шло после слова «навечно», нетрудно было угадать — «не откроются». Но вот слова до и после фразы «откроет путь» предположить было невозможно.

Не желая мириться с неудачей, он упрямо продолжал прощупывать это место. Когда кончики пальцев уже почти онемели, он вдруг уловил едва заметные, призрачные очертания.

— Нежить! — Освальд наконец распознал слово, стоявшее перед фразой «откроет путь».

Полный смысл звучал как «Если только нежить не откроет путь»? Но откуда здесь взяться нежити...

Пока он размышлял над этим, до его слуха снова донесся смутный, приглушенный вой, доносившийся словно из самых недр земли.

Неужели —

Освальд перевел взгляд на грязную землю перед зарослями терновника, отряхнул ладони от грязи, поднялся на ноги и приказал стоявшим позади:

— А остальные? Все уже проснулись? Соберите здесь всех.

Двое офицеров отозвались и поспешно зашагали обратно по тропинке.

Вскоре все уже были на месте, включая даже лекаря.

Люди сжимали в руках оружие; их глаза все еще были налиты кровью, а на лицах некоторых блестели капли воды — очевидно, они только что силой заставили себя прийти в чувство.

— Что случилось? — Ник вытер воду с лица и с силой мотнул головой.

Лекарь позади нерешительно объяснил:

— Должно быть, в костер подбросили какое-то снадобье. Если я не ошибаюсь, его взяли у меня...

Сейчас Освальду было не до того, чтобы выяснять, как именно все заснули мертвым сном и откуда взялось это снадобье. В его голове крутилась лишь одна мысль: еще перед отправлением этот мерзавец Кевин твердил, что войдет в гробницу один. Сделав крюк, он в итоге именно так и поступил, а все потому, что считал, будто совершенно бессмертен...

К черту его бессмертие!

Освальд с мрачным лицом поднялся на ноги:

— Быстро распределим обязанности. Ник, отбери пять человек и вырубите к чертям эти заросли терновника и лианы. Что касается остальных...

Он наступил на покрытую влажной грязью землю и отчетливо, разделяя каждое слово, произнес:

— Переройте мне здесь все до единого фута!

Никто не стал задавать лишних вопросов — люди без лишних слов принялись за работу.

Однако вскоре у одной из групп возникли трудности.

— Ваше Величество! Эти лианы... их невозможно разрубить, — доложил Ник, сам несколько озадаченный своими словами.

Освальд перевел на него взгляд. Ник взмахнул мечом и нанес мощный поперечный удар по стеблю. На нем остался глубокий надруб, а несколько более тонких побегов и вовсе перерубило пополам.

Но уже в следующую секунду глубокие порезы на толстых лианах затянулись, а обрубки тонких ветвей мгновенно пустили новые побеги.

Словом, если не считать кучи быстро сгнивших обрезков на земле, стена из терновника ничуть не изменилась.

Освальд не выказал особого удивления — по правде говоря, примерно этого он и ожидал.

Он и не надеялся, что эти заросли окажутся обычными растениями, и уж тем более не рассчитывал, что, просто разрубив их, они увидят врата Гробницы Богов.

Но ведь стоило хотя бы попытаться? Вдруг свершилось бы чудо.

Отряд лесорубов во главе с Ником тут же переключился на раскопки. Все дружно взялись за дело, прилагая максимум усилий, так что комья земли летели во все стороны.

Вскоре они углубились почти на метр.

Раздался тихий, сухой треск.

Этот негромкий звук отчетливо прозвучал на фоне лязга металла, и все разом замерли.

Один из офицеров опустил на корточки и принялся быстро разгребать грязь у своих ног, обнажив то, что только что случайно перерубил.

Это была кость.

Кость, пролежавшая в земле неизвестно сколько лет, но выглядевшая как новая. На ней даже сохранилась тонкая сеточка кровеносных сосудов.

В том, что на кладбище нашлись кости, не было ничего удивительного, однако по спинам присутствующих все равно пробежал холодок.

— Продолжайте, — приказал Освальд.

Люди отбросили мечи и принялись раскапывать землю голыми руками.

Но минут через десять им пришлось остановиться, потому что стоять стало практически негде.

Вокруг островков земли, на которых они ютились, вся перекопанная влажная грязь была усеяна костями, клочьями шерсти и кусками плоти. Все это выглядело невероятно свежим, будто его закопали буквально только что.

И эти разрозненные останки без исключения принадлежали хищным зверям.

Тем нескольким зверолюдям-гигантам стало совсем не по себе! Даже если это были дикие звери, не способные принимать человеческий облик, подобное зрелище все равно производило на них гнетущее впечатление.

Только в самом верхнем слое насчитывалось около сотни трупов, а снизу продолжали показываться все новые и новые кости — похоже, они лежали здесь в несколько слоев. Люди решили прекратить раскопки, иначе их просто завалило бы грудami останков.

— Это звериное жертвоприношение? — воскликнул Ник. — Никогда не видел звериного жертвоприношения такого масштаба...

Звериное жертвоприношение было разновидностью ритуального колдовства, распространенного на континенте в глубокой древности.

В древние времена люди считали грехом убивать диких зверей ради пропитания. Поэтому после каждой охоты они закапывали в землю головы, кости и несъедобные потроха животных, веря, что так душа убитого зверя сохранит целостность и обретет новую жизнь (1).

Позже это постепенно переросло в ритуал поминовения и молитвы: кости диких зверей зарывали перед могилами усопших, желая им мирного упокоения под их защитой.

— В конце концов, это Гробница Богов, так что масштаб вполне объясним... — пробормотал другой офицер.

— Нет! — Освальд некоторое время всматривался в останки животных, после чего резко нахмурился. — Это не звериное жертвоприношение.

— А? — Ник не сразу понял, о чем речь.

— Суть звериного жертвоприношения в том, чтобы собрать череп, шкуру и куски мяса воедино, вернув им первоначальный облик, какой зверь имел при жизни. Но здесь...

Здесь же все останки растерзаны в клочья и хаотично перемешаны. Нет ни одного целого скелета — все выглядит так, словно их намеренно раздробили и перепутали!

— Целые кости — это благословение. Но раскиданные в таком беспорядке... — Освальд отчеканил каждое слово: — Это самое настоящее проклятие!

Лицы присутствующих исказились от удивления и ужаса. Оставить здесь проклятие? Проклясть кого?

Разве мог в этой гробнице покоиться кто-то иной, кроме почившего Бога Света Фаэ?!

— Если воссоздание останков зверя при обычном зверином жертвоприношении означает благословение на новую жизнь, то подобное извращенное проклятие означает... что он никогда не сможет упокоиться с миром? — произнес Ник. Все присутствующие резко вдохнули холодный воздух, на мгновение позабыв, как дышать.

Здесь находилась Гробница Бога Фаэ, где покоилось самое почитаемое верховное божество Эпохи Древних Богов. И теперь они обнаружили, что у самого входа в обитель вечного сна этого божества кто-то оставил подобное проклятие. Истерзанные кости тысяч диких зверей проклинали Фаэ, лишая его надежды на освобождение...

От автора:

(1) Идея о том, что восстановление скелета, черепа и шкуры животного в первозданном виде дает ему новую жизнь, взятая из книги «Номо Несанс». Антропология древнегреческого жертвенного ритуала и мифологии» Вальтера Буркерта.

<http://bllate.org/book/18285/1753215>